
ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ СЕКТОР В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТИПА: ПРИМЕР ШВЕЦИИ

Т. Лундстрём, Л. Сведберг

В статье приводятся важнейшие черты шведского добровольческого сектора в сравнении с другими странами и его роли в социальном обеспечении. Этот сектор в Швеции по своим размерам сопоставим с секторами других промышленных стран, однако его структура и форма существенно отличаются. Характеристики шведского добровольческого сектора обсуждаются в контексте доминирующих теоретических воззрений. Авторы представляют результаты исследований добровольческого сектора, выполненных ими во второй половине 1990-х годов, и предлагают возможные сценарии развития шведского добровольческого сектора.

Ключевые слова: добровольческий сектор, Швеция, социальное государство, социально-демократический режим, социальная поддержка, взаимопомощь, общественные движения

Введение

Данная статья представляет общий обзор ситуации с добровольческим сектором Швеции в сравнении с другими странами. Используя результаты нескольких международных исследований, мы обсудим размер, структуру и сферы деятельности шведского добровольческого сектора в контексте господствующих в изучении добровольческого сектора теорий. Рассматривая теории, которые господствуют в обсуждении учеными добровольческого сектора в последние 15 лет, можно прийти к выводу о наличии отрицательной связи между объемом и охватом государственного социального обеспечения, с одной стороны, и развитостью добровольческого сектора – с другой.

Оригинал статьи: Lundström T., Svedberg L. The Voluntary Sector in a Social Democratic Welfare State – The Case of Sweden // Journal of Social Policy. Vol. 32. № 2. P. 217–238. Перевод публикуется с разрешения авторов и Cambridge University Press.

Картина шведского добровольческого сектора, которая получается в нашей статье, в ряде аспектов отличается от многих других описаний добровольческого сектора Швеции и Скандинавских стран в целом. Типичный пример неадекватного представления содержится в работе Вайсброда [Weisbrod, 1997], который утверждает, что в странах, подобных скандинавским – с сильным государственным обеспечением и относительно гомогенным населением – «неприбыльный сектор» играет в обществе весьма незначительную роль. Вайсброд делает это утверждение без опоры на эмпирические данные и не проясняет, что понимается под «гомогенным населением» [кроме работы Вайсброда см., например: Boli, 1991; James, 1989; O'Connel, 1999]. Полемизируя с Вайсбродом и другими авторами, мы покажем, что в социальном государстве скандинавского типа (или точнее в специфических отношениях между государством этого типа и добровольческим сектором) данный сектор вовсе не теряет свою социальную значимость, а лишь приобретает иную отраслевую и организационную структуру по сравнению с иными режимами социального обеспечения.

Мы приведем некоторые данные, касающиеся размера и структуры третьего сектора, а также некоторые факты о взаимоотношениях между ним и государством, которые показывают увеличение роли деятельности добровольческих объединений в социальном обеспечении. В течение последних 15–20 лет наблюдаются важные изменения в политике по отношению к этой части сектора. Это обстоятельство особенно интересно, поскольку в Швеции традиционно, по сравнению с другими странами, добровольческий сектор всегда играл менее заметную роль в социальном обеспечении. Чтобы увидеть, откуда происходят занятые в сфере социального обеспечения организации, которые можно найти как в англосаксонской, так и скандинавской – ориентированной на добровольном членстве – традициях и обсуждая сегодняшние изменения, мы представим типологию неправительственных организаций сферы социального обеспечения. Принципиально важным мы считаем то обстоятельство, что в Швеции было создано высокоразвитое социальное государство, которое часто представляют в качестве образца социально-демократического типа, которому свойственны институциональное перераспределение, относительно высокая степень равенства, хорошо развитые структуры социального обеспечения и проведение социальной политики в интересах подавляющего большинства граждан. В заключение мы приводим ряд соображений о будущем добровольческого сектора.

Исследования добровольческого сектора в Швеции

Одна из основных идей в представлениях о Швеции состоит в том, что добровольческий сектор здесь задавлен могучей экспансией государства социально-демократического типа, которое делает ненужным и не поощряет развитие некоммерческого сектора и добровольных организаций. Можно добавить, что такой взгляд косвенно поддерживается международно признан-

ным подходом к описанию системы социального обеспечения в Скандинавии, содержащимся во влиятельных работах Эспинг-Андерсена [Esping-Andersen, 1990; Esping-Andersen, 1999]. Согласно его работам, при социал-демократическом режиме в идеале нет места добровольческому сектору. Поразительно, как в этой исследовательской традиции, доминирующей в работах о скандинавской системе социального обеспечения, упорно не замечается и систематически игнорируется добровольческий, неформальный сектор. Это выражается в указании на незначительный объем производимых услуг, на занятие каких-либо специфических ниш и в недооценке общего вклада сектора в социальное обеспечение [см., например: Palme et al., 2000; Palme et al., 2001, а также «англосаксонские» работы, например: Stephens, 1996].

Этот подход находит поддержку в силу того, что шведские исследования добровольческого сектора традиционно ориентировались только на себя и практически не предназначались для зарубежной общественности. Ученых Швеции и Скандинавии всегда отличало то, что они большое значение придают специфическим для этого региона темам, а именно, массовым общественным движениям в поддержку развития и стабильности демократии, мнениям групп, имеющим особые интересы, и депривированным слоям.

В последние годы, однако, вырос интерес к международному теоретическому развитию, а также к сравнительным исследованиям. Кроме того, отмечается интерес к новым общественным движениям [см., например: Jamison et al., 1990; Thörn, 1997]. Международное влияние можно проследить и в росте интереса со стороны политиков и ученых к понятию «гражданское общество», где важной проблемой являются границы между рынком, государством, семьей и добровольческими организациями [см., например, Trägårdh, 1996; SOU... 1999; Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002]. Появилось и новое направление, изучающее значение общественных организаций для демократии в терминах «социального капитала» [Rothstein, 1998; Rothstein, 2001].

В 1990-е годы возрос интерес к крупным сравнительным исследованиям, в которых шведский добровольческий сектор впервые подвергся сравнению с другими странами, при этом подчеркивалась его важность не только для демократии, но и для социального обеспечения [Lundström, Wijkström, 1995; Lundström, Wijkström, 1997; Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002; Wijkström, 1999].

В этой статье мы покажем важность историко-контекстуальных объяснений, которые должным образом учитывают специфику национального развития при сравнении разных стран. Кроме того, мы критически обсудим различные «однофакторные» теории, предназначенные для объяснения размера и структуры добровольческого сектора. При сравнении роли третьего сектора в разных странах очень важна широкая историко-институциональная перспектива, в которой внимание уделяется политическим институтам как контекстуальному условию его развития.

Шведский сектор в сравнении с другими странами

В последние годы нам удалось показать в ряде работ, что международно принятое представление о слабости добровольческого сектора в Швеции не имеет фактических оснований. Очень важно использовать разнородные показатели, поскольку в выбираемых для измерения сектора инструментах так или иначе отражается то, каким нам видится объект исследования или каким он должен быть. Мы представим новые сравнительные данные об *экономических* параметрах добровольческого сектора, об *участии населения* в добровольной деятельности и *количестве членов* общественных организаций. Определенно, международные исследования ранее фокусировались, прежде всего, на том, какие возможности занятости и предоставления социальных услуг открывает сектор, тогда как шведские исследователи вплоть до начала 1990-х годов больше интересовались тем, какую роль играет сектор в поддержании демократии и формировании у населения политической культуры.

В специальном проекте университета Джона Хопкинса [см.: Salamon, Anheier, 1996a; Salamon, Anheier, 1996b; Salamon, Anheier, 1998] было проделано сравнение некоммерческих секторов в ряде стран, включая Швецию¹. Сравнение проводилось, прежде всего, по экономической значимости сектора, а именно, по доле произведенного им продукта в ВВП страны. В 1992 году годовая оборот добровольческих организаций Швеции оценивался в 60 млрд шведских крон, а приведенные затраты на добровольческий сектор составили 4,1 % ВВП. Для сравнения с другими странами Европы укажем, что в Великобритании и Германии аналогичный показатель составлял соответственно 4,8 и 3,6 % от ВВП; в США он превышал 6 %. Даже по этому показателю, где значительную долю в производимых в секторе услугах составляет уход за больными (и вряд ли играет роль в мобилизации граждан в целях поддержания демократии), шведский сектор оказывается не из последних.

Три массовых опроса – два национальных и один в рамках европейского сравнительного исследования – позволили нам всесторонне изучить участие населения Швеции в деятельности добровольных организаций². Так, в национальном опросе 1998–1999 годов было обнаружено, что 52 % шведов участвовали в добровольной деятельности общественных организаций в течение

¹ Это крупнейший и самый значительный сравнительный проект, основанный на эмпирическом исследовании добровольческого / некоммерческого сектора в разных странах. Методологические вопросы шведской части этого проекта обсуждаются в работе: Lundström, Wijkström, 1997.

² В 1992 и 1998–1999 годах было проведено два национальных опроса населения Швеции в возрасте от 16 до 74 лет по репрезентативной выборке по заказу двух комиссий правительства Швеции. Результаты были опубликованы в серии Официальных правительственных докладов [SOU... 1993; SOU... 1999]. В сравнительном исследовании десяти европейских стран в девяти странах опросы-омнибусы проводились по единой методике. В число стран вошли Бельгия, Болгария, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Словакия и Швеция. Франция омнибус не проводила, но участвовала в остальной части проекта [см., например: Gaskin, Davis Smith, 1995; Jeppsson Grassman, Svedberg, 1996; Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002].

ние года, предшествовавшего опросу. В сравнительном европейском исследовании 1994 года самое широкое участие в добровольческой деятельности было зафиксировано в Нидерландах, на втором месте оказалась Швеция, затем Великобритания и Бельгия. Иными словами мы обнаружили, что население Швеции более активно участвует в добровольческой деятельности, чем жители многих других стран. Высокий уровень добровольческого участия имеет давнюю историю, уходя корнями в традиции массовых народных движений, для которых были характерны *высокое участие непрофессионалов и неоплачиваемых работников* [Jeppsson Grassman, 1993; Gaskin, David Smith, 1995; Jeppsson Grassman, Svedberg, 1996; Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002].

В Швеции в 1992 году бесплатно отработанное волонтерами время было эквивалентно примерно 228 тыс. полным рабочим дням. Вместе с оплачиваемыми работниками общее количество отработанного в третьем секторе времени составило 311 тыс. полных рабочих дней. Если применить относительный показатель, то на 1000 человек в Швеции приходилось 36 отработанных полных рабочих дней, во Франции – 25, в Германии – 21. Получается, что в шведском добровольческом секторе выполняется гораздо больше работы, чем в других странах.

В соответствии с устоявшейся в Скандинавии традицией широкого участия в массовых движениях и развитостью членских организаций, большое число шведов являются членами добровольческих организаций. В зависимости от системы подсчета в 1990-е годы каждый швед формально был членом от 2,9 [Statistics Sweden... 1994] до 2,1 [Inglehart, 1997] организаций. Почти все шведы являются членами какой-либо организации, и очень многие состоят сразу в нескольких; это означает, что Швеция очень передовая страна в этом отношении [Curtis et al., 1992; Curtis et al., 2001; Lundström, Wijkström, 1997; Wijkström, 2000]. Шведский добровольческий сектор можно охарактеризовать, как *основанный на членстве* (member-based), а не на услугах (service-based) или на волонтерстве (volunteer-based). В Швеции участвовать в каком-либо движении – значит быть членом какой-то организации. Это хорошо иллюстрируется фактом, что около 85 % тех, кто выполняет неоплачиваемую работу в организации, являются членами этой организации [Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002].

Экономический анализ объемов оказанных добровольческими организациями услуг в таких странах, как Германия, Великобритания и США показывает, что их деятельность сосредоточена главным образом в так называемых ключевых или главных отраслях социального обеспечения, то есть в здравоохранении, социальном обслуживании и образовании. В целом это высокопрофессиональные организации, оказывающие вместо государства, например, уход за больным. В шведском же секторе преобладают организации, занятые культурно-досуговой (главным образом в спорте), а также профсоюзной деятельностью. Разница между Швецией и такими странами, как Германия и США в структуре оказываемых услуг наиболее заметна при измерении в экономических терминах, когда масштабные германские и американские показатели работы клинических учреждений дают большой вес в характеристике сферы здраво-

охранения [см.: Lundström, Wijkström, 1997]. Однако тот же паттерн возникает и при замере участия населения в разных подотраслях. По сравнению со многими европейскими странами шведы менее вовлечены в добровольную социальную работу в узком смысле этого понятия ¹ [Jeppsson Grassman, Svedberg, 1996; Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002; Svedberg, Jeppsson Grassman, 2001].

В итоге можно сказать, что шведский добровольческий сектор столь же развит, как и в любой другой индустриальной стране, что видно по любому из трех показателей: *экономическая значимость, масштабы членства в организациях и уровень участия населения* в добровольческих видах деятельности. В сравнении с такими странами, как Германия, Великобритания и Соединенные Штаты Швецию отличают две важные особенности. Во-первых, доминируют членские организации, а во-вторых, относительно небольшая доля услуг приходится на главные отрасли социального обеспечения. Примечательно, что по своим экономическим показателям сектор в целом не отличается от своих аналогов в других промышленно развитых странах.

Объяснение размера и композиции добровольческого сектора

В исследованиях (главным образом, американских), в которых делался упор на вес сектора в производстве услуг (особенно в главных отраслях социального обеспечения) и ставилась цель охарактеризовать сектор в целом, использовались две основные модели для объяснения размера и структуры сектора [Salamon, Anheier, 1996a]. Первая модель строится на концепции конкуренции внутри национальных экономик; главная идея модели состоит в том, что в обществах с высокой степенью культурной и религиозной разнородности широко развиты добровольческие сектора [см.: James, 1989; Weisbrod, 1997]. Такие общества в гораздо большей степени, чем гомогенные, нуждаются в предоставлении диверсифицированных услуг, которые не могут предоставить ни (монополистическое) государство, ни рынок. С этой точки зрения, потребителю не следует возлагать надежды на рынок как на «надежного» производителя услуг, поскольку социальное обеспечение строится на доверии, а его часто трудно испытывать к организациям, конечной целью которых является получение максимально возможной прибыли для их собственников. Соревнование между государством и добровольческими организациями является одним из ключевых пунктов подобных теорий, полагающих, что добровольческий, или некоммерческий, сектор находится в условиях жесткой конкуренции с государством, тогда как действительность содержит возможности для взаимного роста обоих [Salamon, 1997]. Аргументация строится на том, что спрос – величина постоянная, и присутствие государства в любой конкретной сфере означает, что добровольческие структуры рано или поздно будут уступать в конкурентной борьбе.

¹ Здесь мы подразумеваем такую деятельность, которая намеренно или на практике связана с социальным обеспечением, и где имеется прямой эффект для «потребителя».

Подобные теории конкуренции никак не объясняют размер некоммерческого сектора в Швеции и Скандинавии в целом и могут лишь отчасти облегчить понимание его структуры. Расширение функций шведского социального государства ни коим образом не привело к сокращению общего объема третьего сектора. Напротив, добровольческий сектор и государственное социальное обеспечение растут одновременно. Гетерогенность населения также слабо связана с размером сектора. Еще 20 лет назад Швецию и другие Скандинавские страны можно было легко отнести к культурно и этнически гомогенным государствам, и тем не менее во всех этих странах добровольческие сектора динамично развивались.

Концепция конкуренции и монополистических амбиций государства отчасти объясняет процессы в главных отраслях социального обеспечения. В период с 1930-х по 1970-е годы социальное государство старалось всячески выдавить или поглотить добровольческие организации, предоставлявшие услуги в сфере здравоохранения, образования и социального обслуживания. Иными словами, теория конкуренции может пролить свет на процессы, происходящие в главных отраслях социального обеспечения, а не в развитии сектора в целом [Lundström, 1995; Lundström, 1996].

Американские исследователи, которые отталкивались от идеи о консенсусе, были склонны подчеркивать сотрудничество и взаимозависимость между добровольческими организациями и государством. По их мнению, участие государства оказывает благотворное влияние на добровольческий сектор в целом, поскольку оно может направлять финансовые ресурсы на добровольческие проекты [Salamon, 1997; Salamon et al., 1999].

В США теории сотрудничества применяются, прежде всего, к ключевым отраслям социального обеспечения, а именно, к социальной защите и здравоохранению. Здесь под сотрудничеством понимается реализация социального обеспечения посредством добровольческих организаций. В Швеции, однако, сотрудничество в главных сферах социального обеспечения не приводило к росту активности добровольцев вплоть до 1990-х годов. И все же в Швеции теории сотрудничества, похоже, имеют объяснительную силу в других областях, например в сфере культуры и организации досуга [Lundström, Wijkström, 1997].

В совокупности все это показывает, что теории, претендующие на всестороннее объяснение размера и структуры некоммерческого сектора на наднациональном уровне, не достигают своей цели. Это не означает, что мы можем проигнорировать структурные переменные в анализе некоммерческого сектора и что сравнительные исследования теряют свою привлекательность. Напротив, интернационализация исследований некоммерческого сектора, которая имеет место в последние годы, выявила не только различия между странами, но и множество сходств. Однако следует подчеркнуть, что виднейший представитель теорий сотрудничества Лестер Саламон пересмотрел свои позиции в свете эмпирических данных, собранных в ходе сравнительных исследований во второй половине 1990-х годов. В одной статье 1998 года он и Гельмут Анхайер критикуют теории одного фактора и вводят подход «социального проис-

хождения», в котором добровольческий сектор анализируется как интегральная часть конкретного общества, с учетом исторических факторов. При этом, однако, они приходят к упрощенной модели четырех идеально-типических режимов, с которыми и пытаются связать размеры и некоторые другие характеристики добровольческих секторов [Salamon, Anheier, 1998] ¹.

Между тем всякий анализ добровольческого сектора должен учитывать национальные условия и всю сложность конкретно-исторических процессов, влияющих на размер, структуру и особенности внутренней организации добровольческого сектора [Kuhnle, Selle, 1992a; Kuhnle, Selle, 1992b; Jeppsson Grassman, Svedberg, 1995; Lundström, Wijkström, 1997]. К обсуждению этих особенностей шведского некоммерческого сектора мы и переходим: мы рассмотрим несколько таких факторов, включая государственническую традицию, массовые общественные движения, меры политики, процессы интеграции сектора и государства [см. далее: Lundström, 1995; Lundström, 1996; Lundström, Wijkström, 1997; Jeppsson Grassman, Svedberg, 1996; Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002].

Прежде всего *государственническая традиция* существовала в Швеции задолго до возникновения социального государства. Церковная реформация XVI века и совершенствование католических институтов социального обеспечения, включая уход за больными, весьма интересны для анализа истоков доминирования в этой сфере современного государства. Государственническая традиция и низкий уровень недоверия к правительству чрезвычайно важны и для понимания в целом позитивного отношения представителей шведских добровольческих организаций к их поглощению государством, происходившему, в частности, в образовании и социальном обеспечении в 1930–1960-х годах. В духе этих традиций результаты двух упомянутых выше национальных опроса и сравнительного европейского исследования волонтерского движения показывают, что шведы менее, чем все остальные нации видят в волонтерстве замену государственному социальному обслуживанию, но высоко оценивают добровольческую работу как самостоятельную ценность и независимую силу. И без того незначительное число шведов, высказывавшихся ранее в пользу передачи добровольческим организациям права на предоставление услуг в главных отраслях социального обеспечения, в течение 1990-х годов стало еще меньшим.

Далее, влияние шведской *традиции массовых общественных движений* не в последнюю очередь заключается в том, что в шведском добровольческом секторе господствуют членские организации, участие в которых, как и важность движения за демократию как такового высоко ценятся многими шведами, а мерой успеха и влияния считаются количество членов организации и показатели их участия. Кроме того, стоит отметить, что политикой государства является постоянная финансовая поддержка организаций этого

¹ При измерении размера добровольческого сектора они использовали долю от всех занятых в экономике. При использовании иных показателей, например доли в ВВП, численности членов добровольческих организаций или участников деятельности добровольческого сектора, мы бы получили иные результаты.

типа, а потому к организациям, построенным по другим принципам, всегда относились с подозрением. Это относится, например, к организации «Гринпис», которая, в отличие от идеальной для Скандинавии картины общественного движения, основана не на демократической структуре.

Следует также подчеркнуть важность *мер политики*, характерных для строительства социального государства начиная с 1930-х годов. Принципиальное значение имеет то, что государство демонстрировало совершенно разное отношение к волонтерской деятельности внутри и вне главных отраслей социального обеспечения. В сфере социального обеспечения простор для деятельности добровольческих организаций по «широкомасштабному производству профессиональных услуг» был ограничен, и наиболее общественно важные услуги в период с 1930-х по 1970-е годы государство предоставляло самостоятельно.

Для Скандинавских стран в целом характерна близость и взаимозависимость между государством и добровольческим сектором [Kuhnle, Selle, 1992a; Kuhnle, Selle, 1992b], и именно эта близость — с их очевидными «за» и «против» — активно обсуждается [см., например: Lewin, 1992; Rothstein, Bergström, 1999]. В самом общем виде ее можно понять как *процесс интеграции между добровольческим сектором и государством* в Швеции, истоки которого можно проследить еще в середине XIX века, когда были созданы первые благотворительные организации. Поэтому в области социального обслуживания никогда не было добровольческого сектора, совершенно независимого от государства. Эта близость отношений облегчила захват государством инициативы у добровольческих организаций в социальном обслуживании.

В сфере спорта, где организации строились на традиции массовых общественных движений, процессы интеграции имеют иную природу, нежели в социальном обслуживании. Здесь добровольческий сектор расширялся параллельно с расширением функций социального государства. В это же время организации в области спорта стали в определенном отношении более зависимыми от общественного сектора. Среди прочего это стало возможным благодаря стратегической финансовой поддержке центрального правительства и местных органов власти. Начиная со Второй мировой войны спортивное движение признается важной частью массовых народных движений. Цель политики заключается в поддержке спортивного движения с тем, чтобы оно оказывало благотворное влияние на все общество в целом (в данном случае через улучшение здоровья населения и обучения демократии в членских организациях).

Как мы показали в данном разделе, в укоренившихся представлениях о шведском добровольческом секторе часто недооценивается его общественная роль. Это особенно очевидно прослеживается в исследованиях Швеции зарубежными учеными, которые принимали добровольческий сектор собственной страны за идеал. Особенно это проявилось, например, в американских исследованиях. Однако и шведские авторы склонны обращать внимание лишь на некоторые аспекты его роли в обществе.

В международных исследованиях добровольческого сектора, как мы уже указывали, общепринятым стало использование упрощенных структурных

объяснительных схем при попытке объяснить различия между странами. Напротив, мы выступаем в поддержку теорий, которые обращают должное внимание на национально-историческую специфику. Институциональные факторы, прослеживаемые в истории добровольческого сектора на национальном и «отраслевом» уровнях, имеют важное значение. Однако не все исторические процессы одинаково значимы. С этой точки зрения, отношения с государством имеют принципиальное значение (не только в Швеции). Добровольческие организации в значительной степени зависят от социально-политической легитимации в своем окружении. При анализе институциональных факторов очень важно учитывать уровень и способы участия государства в отраслях, где работают добровольческие организации, а также участие государства в добровольческом секторе в целом через законодательство, государственные субсидии и т. п. [DiMaggio, Anheier, 1990; Powell, DiMaggio, 1991]. В этой связи мы указали на государственническую традицию с ее корнями, уходящими в средневековую Швецию (которые можно наблюдать, например, в изучении истории больниц и ухода за больными), на издавна сложившуюся тесную связь между государством и добровольческими организациями (очевидную при рассмотрении роста благотворительных организаций в XIX веке) и на рост институтов социального государства начиная с 1930-х годов (сопровождавшийся поглощением государством активности общественных организаций). Кроме того, мы указали на важность сильного институционального влияния традиции массовых общественных движений с их упором на крупные открытые членские организации. Очевидно, что во влиятельной традиции массовых общественных движений можно видеть институциональные, изоморфные процессы, в которых новые движения формализуются, подражая и перенимая организационный стиль своих успешных предшественников, а государство в свою очередь вносит вклад в формирование сектора путем законодательства и системы финансирования, поощряя тот или иной способ организации.

Некоторые факты о деятельности добровольческих организаций в области социального обслуживания ¹

В шведском дискурсе на протяжении нескольких десятилетий присутствует очень сильная, но крайне редко формулируемая в явной форме концепция, что добровольческие организации в социальном обеспечении репрезентировали нечто такое, что было в прошлом, а сейчас исчезает с общественного горизонта. Однако 1990-е годы можно описывать как период изменений в отношениях между государством / муниципалитетами и добровольческим сектором, особенно в сфере социального обеспечения. За этими изменениями стоит ухудшение экономической ситуации и растущее давление на национальный бюджет. Отчасти это также объясняется новым идеологичес-

¹ Ввиду формирования сервисного добровольческого сектора упор делается на участие профессионалов.

ким климатом, который постепенно формировался с 1980-х годов и проник даже в эту сферу в начале 1990-х годов. Вместе с ним пришла критика социального государства в целом и его отдельных аспектов.

В политических и идеологических спорах добровольческий сектор на некоторое время оказался в центре внимания, однако мало говорилось о его роли в выражении интересов различных слоев населения и необходимости расширения полномочий ради укрепления демократии. В центре внимания оказались предоставляемые им услуги, то есть аспекты его *деятельности*. Фактически фокус внимания сдвинулся на добровольческую работу в целом и выполняемую добровольцами социальную работу, в частности, при этом деятельность общественных организаций рассматривали, прежде всего, *с точки зрения полезности*; эта точка зрения если открыто и не всегда выражалась, то все время подразумевалась. Изменения дискурса, как мы увидим, повлекли реальные изменения в мерах политики в конце 1990-х годов – начале XXI века.

На фоне широкого разнообразия мнений и скудости фактических данных, отсутствия сколь-нибудь систематических исследований участия шведского добровольческого сектора в социальном обслуживании и игнорирования его вклада, в 1990-е годы было проведено два исследования, которые предоставили обильные данные для широкого обсуждения: комплексное исследование национальных ассоциаций добровольческих организаций, оказывающих социальные услуги, и исследование муниципальных организаций социального обслуживания (проведенное в рамках упомянутого выше европейского сравнительного проекта) [Svedberg, 1993; Jeppsson Grassman, Svedberg, 1995].

В первом исследовании мы обнаружили, что национальные общественные организации, работающие в сфере социального обеспечения, насчитывают 2,5 млн членов, из которых около 20 % на более или менее регулярной основе принимают активное участие в различных видах деятельности. В число этих 20 % входят 150 тыс. человек, регулярно и без оплаты занимающихся социальной работой в узком смысле этого понятия; эта категория активистов в среднем отработывала 13 часов в месяц.

Как указывалось ранее, по сравнению с другими странами шведский добровольческий сектор в сфере социального обслуживания относительно невелик, однако из международных и шведских исследований десятилетней давности можно сделать вывод о том, что его не стоит недооценивать. На добровольной основе проводится значительная часть социальной работы по ряду направлений, а также для таких слабозащищенных категорий населения, как женщины, страдающие от побоев, нуждающиеся дети, бездомные и ВИЧ-инфицированные ¹.

Из этих исследований можно сделать ряд выводов. Добровольческая социальная работа, проводимая на местном уровне, похоже, имеет самое боль-

¹ Помимо упомянутых выше работ см.: Nordfeldt, 1994; Nordfeldt, 1999; Johansson, 1997a; Johansson, 1997b; Johansson, 1998; Stål, 1997; Holmberg, Bender, 1998; Lundström, Vinnerljung, 2001.

шое значение в официально не организованных видах деятельности, в которые вовлечены самые различные организации. *Социальная поддержка и взаимопомощь* так или иначе входят в различные формы организованной деятельности и выполняются *непрофессионалами*. Согласно опросам населения, в течение 1990-х годов важность этих видов и форм деятельности возросла [Jeppsson Grassman, Svedberg, 1999; Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002]. Некоторую часть работы, выполняемой на добровольных началах, трудно обрисовать, поскольку в традиции шведских организаций и массовых движений Скандинавии она не подходит ни под определение добровольной социальной работы в узком смысле, ни под определение социального обеспечения в широком смысле.

В итоге, роль добровольческих организаций и вклада добровольцев, как прямого, так и косвенного, приобретает гораздо большее значение для шведского социального обеспечения, чем было принято считать среди исследователей некоммерческого / добровольческого сектора и социального обеспечения в целом.

Подчеркнем, что шведская система социального обеспечения почти преодолела тяжелый кризис 1990-х годов и по-прежнему опирается в основном на деятельность государственных и муниципальных служб. Есть основания полагать, что тенденция к «приватизации» муниципальных служб приведет к большему весу частных предприятий. Это уже началось в 1990-е годы, но в весьма ограниченном масштабе. В главных отраслях социального обеспечения добровольческий сектор будет, как и прежде, играть ключевую роль в некоторых нишах, для решения определенных задач, а также в качестве первопроходцев и новаторов [Svedberg, 2001; Trydegård, 2001].

Типы добровольческих организаций в социальном обеспечении

Общепринято подразделять сервисные добровольческие организации на те, которые основываются на *самоорганизации и самопомощи*, и те, которые главную свою задачу видят в *оказании услуг другим*. Это различие отражается в формулировке уставной деятельности.

В международных исследованиях добровольческого сектора на удивление мало предпринимается попыток строить типологии организаций. Здесь мы примем такую попытку, основываясь на опыте изучения шведских и скандинавских организаций, предоставляющих услуги социального обеспечения. За отправную точку мы возьмем базовые условия и направления деятельности организаций, а также то, как их представители определяют основные сферы деятельности [подробнее см.: Svedberg, 2000]. Кроме того, мы используем теоретический подход, представленный Селле и Оймюром [Selle, Øymyr, 1995], чтобы отразить текущие изменения в системе скандинавских добровольных организаций. Эти авторы используют следующие параметры: (1) ориентированность деятельности – внешняя и внутренняя; (2) идеология организации – нацелен-

ность на изменение и сохранение *status quo*; (3) степень социализации — организации, которые занимают прочные позиции в жизни индивидов, и те, которые играют незначительную или ограниченную роль. Наша типология *организационных структур* представляет собой дальнейшее развитие изложенных выше базовых параметров; кроме того, в ней сформулирован ряд измерений и новых трендов развития, которые нам кажутся важными не только для сервисных добровольческих организаций, но и для сектора в целом ¹.

В русле институциональной теории социальное обеспечение можно анализировать как организационное поле, обладающее особыми структурными и культурными признаками. С этой точки зрения важно указать, что организации в этом поле по-видимому испытывают в своей деятельности больше ограничений и являются более зависимыми, чем организации, например, в сфере спорта или культуры в силу того, что оно относится к базовым направлениям деятельности социального государства и находится под его сильным контролем. Помимо прямого государственного контроля в этой сфере специалисты государственного социального обеспечения (социальные работники, врачи и т. п.) играют важную роль экспертов внутри и вне добровольческих организаций, поскольку имеют прямое отношение к производству культурных и нормативных образцов, особенно в тех сегментах, где на первый план выходят отношения между клиентом и профессионалом [Henriksen, 1996; Lundström, 2001].

Скандинавский тип непрофессиональной, демократической организации

Примером такой организации является крупнейшая организация пенсионеров, Национальная ассоциация пенсионеров (НАП). По определению эта организация отвечает всем критериям массового общественного движения ввиду многочисленности своих членов, разнообразия направлений работы и относительно низкого влияния профессионалов из государственной системы социального обеспечения. Кроме того, по всей стране имеются отделения, возглавляемые местными руководителями. Демократичный способ принятия решений господствует на всех уровнях организации, имеется хорошо разработанная идеология. Мы обнаруживаем идеологические дискуссии в местных отделениях, при этом между местными отделениями и центральной организацией имеется высокий уровень согласия во взглядах и исходных принципах, хотя некоторые проблемы во взаимоотношениях между «верхами» и «низами» конечно же есть.

НАП является типичной организацией, отстаивающей интересы своих членов. Наряду с программной ориентацией на внешнюю среду, большое

¹ Эмпирическую базу для этого разграничения составляет ряд исследований, проведенных Отделом исследований Института Щёндаль Университетского колледжа Эрста Щёндаль. См., в частности, работы: Svedberg, 1993; Svedberg, 2000; Jeppsson Grassman, Svedberg, 1993; Jeppsson Grassman, Svedberg, 1995; Johansson, 1998; Nordfeldt, 1994.

место отводится внутренней деятельности, которую главным образом выполняют местные отделения. Это такой тип организаций, для которых выражение интересов группы и интеграции в общество являются необходимыми условиями практической деятельности во внешнем окружении. Однако отношения между традиционной организаторской работой и лоббированием, просветительством и информированием, общественно полезной деятельностью и досугом, а также непосредственной социальной работой весьма сложны.

Мы укажем на два направления деятельности, имеющие фундаментальную теоретическую и практическую важность. Во-первых, это своего рода лоббирование, когда организация выступает в роли защитника интересов, и, во-вторых, непосредственная социальная работа, в которой организация выполняет непосредственную инструментальную роль. В рамках первого направления НАП постоянно стремится к участию в подготовке и предварительной проработке официальных решений, принимаемых на национальном уровне, и к участию в так называемых советах пенсионеров муниципального и национального уровней. Хотя в последние годы подобные структуры все больше стали подвергаться критике и квалифицироваться как «новые бюрократии», их число и значение в НАП и других добровольческих организациях по социальному обеспечению выросло. Эти *тенденции к теснейшей интеграции* с государством породили вопрос сотрудничества, который мало обсуждают и не признают в качестве проблемы.

Организациям, непосредственно занимающимся социальной работой, приходится находить баланс в отношениях с общественным сектором. Но поскольку внутри НАП интеграционные тенденции в этой сфере практически нулевые, их работа не без основания может рассматриваться как соответствующая их же собственным целям.

НАП представляет образец основного типа шведской добровольческой организации социального обеспечения, которая и в форме, и в содержании своей деятельности воплощает постоянное и глубокое влияние скандинавской традиции массового движения, проявляющееся в направленности на внешний мир и на его изменение, а также в том, что эта организация играет важную роль в жизни своих членов. Возможно, что эта стабильность по большей части объясняется способностью к переориентации и поддержанию живой идеологической дискуссии, по крайней мере в некоторых отделениях и до определенной степени.

Для характеристики НАП важен еще ряд факторов: в частности, возрастная структура ее членов составляет неотъемлемое преимущество, поскольку их активная жизнь проходила в тот период времени, когда традиция массовых народных движений была сильна. Несмотря на то, что НАП является современной общественной организацией в том смысле, что она специализирована и основана на вполне определенных интересах, эта ассоциация одновременно продолжает оставаться традиционной, поскольку укоренена в местной деятельности и опирается на неоплачиваемый труд своих членов. Можно указать и на симметричность отношений между организацией и ее членами, которая объяс-

няется не только прагматическими основаниями, но и тем фактом, что в организации мало оплачиваемых сотрудников, и их число в последние годы не росло. Стабильность структуры еще можно объяснять тем, что организация не зависит от субсидий государства и поэтому в значительной степени может сопротивляться тенденциям к сокращению автономии и интеграции в государственный сектор, что Селле [Selle, 1993; Selle, 1996], Лорентцен [Lorentzen, 1992; Lorentzen, 1993] и многие другие предсказывали скандинавским добровольческим организациям, занятым в сфере социального обеспечения.

НАП может служить ярким позитивным примером непрофессиональной организации демократического типа. Правда, в Швеции интенсивно обсуждаются проблемы профессионализации, снижения активности членов и ослабления внутренней демократии [Lundström, 2001; Lundström, Wijkström, 1997; Petersson et al., 1998], что, конечно же, наблюдается и в НАП. Однако для НАП, пожалуй, более серьезной проблемой является сближение с центральными и муниципальными властями, которое делает ее весьма слабым оппонентом с довольно «нежным» голосом. Тем не менее НАП по-прежнему служит хорошим примером того явления, который мы хотим обсудить. Это — организация с чертами, близкими идеальным представлениям о шведской непрофессиональной, демократической организации.

Англосаксонские добровольческие организации

Теперь рассмотрим в качестве примера Стокгольмскую городскую миссию, которая образовалась в середине XIX века. Эта организация основана на христианской идее, и ее деятельность целиком направлена на помощь другим. В своей структуре и направлениях деятельности Городская миссия обнаруживает близкое сходство с англосаксонскими и континентальными добровольческими организациями, занимающимися социальным обслуживанием, которые в Швеции стали появляться в XIX веке. У них, например, нет демократического процесса принятия решений и мало неоплачиваемых добровольцев. Беря свое начало в XIX веке, Городская миссия являет пример того, что У. Пауэлл назвал процессом развития, при котором организации и организационные поля зависят от собственной истории¹ (path-dependent development process) [Powell, 1991].

Городская миссия предоставляет целый ряд профессиональных услуг, в которых центральное место занимают образование и знания. Заявленная цель — «быть там», где государственное социальное обеспечение оказывается недостаточным, и где возникают новые потребности. Помимо гуманитарной деятельности в интересах наиболее нуждающихся, эта организация реализует проекты, направленные на относительно социально стабильные и благополучные группы. Профессиональным устремлениям и запросам членов от-

¹ Имеется в виду, что организации стремятся следовать образцу из их ранней истории, воспроизводя исходные идеалы и привычные нормы, паттерны решения проблем и т. п. — *Прим. авт.*

вечает значительная свобода действий, и они осуществляют разного рода консультирование и уход. Это открыло возможность для расширения организации и выполнения, несмотря на развитие социального государства, провозглашенной некогда миссии – помогать наиболее нуждающимся. Эта организация сумела снискать в обществе моральную легитимацию своей долгосрочной работы с бездомными, проститутками и другими слабозащищенными группами. Широкое признание получает работа и в других сферах. Довольно парадоксально, что от большинства учреждений государственного сектора деятельность городской миссии и некоторых других организаций социального обеспечения отличается преемственностью, близостью к клиентам, направленностью на интересы клиента и сенситивным вниманием к уникальности каждой личности.

В период кризиса 1990-х годов сокращение финансирования добровольческих организаций, работающих в сфере социального обеспечения, воспринималось как предательство нуждающихся со стороны государства. Это привело к целенаправленным действиям на минимизацию зависимости от поддержки государственным сектором. В результате объем пожертвований от частных лиц увеличился, и спонсорские средства от частных лиц стали приниматься более охотно, чем раньше. Это показывает, что в добровольческом секторе Скандинавии набирает силу новая тенденция, и мы можем наблюдать зарождение новых интеграционных тенденций и той самой проблемы сотрудничества, которая теперь возникает в отношении к частному сектору.

Стокгольмская городская миссия, в терминах Селле и Оймюра, ориентирована вовне и не склонна к изменениям. Это организация такого типа, которая продолжает играть роль первопроходца, поскольку ей удается время от времени обращать внимание на возникающие в обществе новые социальные проблемы и направлять на их решение свои усилия. В последние годы миссия, кроме того, взяла на себя роль стабилизатора, когда слабость и недальновидность политиков привели к явному вакууму в социальной защите и помощи наиболее нуждающимся, бездомным и женщинам, подвергшимся насилию. Организации этого типа обычно заполняют определенную функциональную нишу в системе социальной защиты не только Швеции, но и Скандинавии в целом, особенно в тех сферах, куда бюджетное социальное обеспечение не направляет свои ресурсы или там, где этих ресурсов не хватает для удовлетворения основных потребностей.

Тип организации позднего модерна

Этот тип организации представляет одно из немногих новых явлений в шведском и скандинавском добровольческом движении и демонстрирует новые нормативные и культурные образцы, оказывающие влияние на весь добровольческий сектор. Так называемые *центры волонтерства*, которые стали появляться в 1990-е годы, явились наиболее заметным феноменом новой тенденции. К их основным характеристикам относятся: местная поддер-

жка, (почти всегда) тесное сотрудничество с социальными службами общественного сектора, удовлетворение спроса на особые социальные услуги, выполнение большей части работы неоплачиваемыми добровольцами, часто под руководством получающего жалование координатора.

Эти организации не входят автоматически в организационные структуры местного уровня. На сильную традицию массового народного движения, описанную выше, здесь нет и намек. Добровольцы мало влияют на содержание деятельности, несмотря на то, что на их работе все собственно и держится. Инициатива организаций этого типа часто подхватывается местными политическими активистами и чиновниками высокого ранга вместе с энтузиастами из числа граждан, которые захотели дополнить деятельность государственного сектора. Вместе с представителями социального государства эти группы на своих плечах несут выполнение тех задач по социальному обеспечению, которые не могут или не хотят брать на себя ни государственные службы, ни существующие добровольческие организации. Объект их деятельности определяется по «остаточному» принципу. Похоже, эти центры рекрутируют тех, кто, не желая присоединяться к большой организации, не разделяя ее идеологию и программу, хочет лишь внести небольшой вклад и, может быть, разделить конкретную озабоченность вместе с сообществом.

Используя критерии Селле и Оймюра, мы можем утверждать, что деятельность такой организации по определению направлена вовне, но не ориентирована на изменения и не играет большой роли в жизни большинства привлекаемых добровольцев. Этот тип организаций, названный «гибридным социальным обеспечением» [Lorentzen et al., 1995], занимает промежуточное положение между государственным и добровольческим секторами. В отличие от НАП здесь нет симметричных отношений между организацией и ее активным членом / добровольцем. В отличие от организаций второго типа, несмотря на направленность своей деятельности на других, организация как таковая не основывается на какой-то стройной идеологии. В силу сказанного подобные организации часто собираются *ad hoc* и в большинстве своем существуют недолго; это и отличает их от организаций первого и второго типов. Центры волонтерства тем не менее можно рассматривать как пример добровольческих организаций социального обеспечения позднего модерна, переживших свой пик в 1990-е годы, а также волонтерской работы в целом, в которой безо всяких исторических и идеологических привязок делаются попытки сочетать профессиональную компетентность с желанием поработать на общественных началах на благо других людей. Однако эти *ad hoc* организации могут рассматриваться, прежде всего, как переходное явление в период, когда отношения между государством, добровольческим сектором и (*nota bene*) рынком нестабильны и активно обсуждаются.

Подводя итоги, можно сказать, что просматривающиеся тенденции к углублению специализации, централизации и профессионализации шведского и скандинавского волонтерского движения как *целостности* [см., например: Klausen, 1990; Klausen, 1992; Lorentzen, 1992; Lorentzen, 1993] едва ли относятся

ся, как мы видели, к шведскому добровольческому социальному обеспечению, да и к остальной части сектора. Нельзя также однозначно утверждать, что организации идут к уменьшению автономии и углублению интеграции с общественным сектором. Безусловно, проблемы автономии и интеграции наиболее остро стоят для организаций первых двух типов, но мы видели, как структурные условия, традиции, ориентации и формы работы позволяют решать эти проблемы.

Будущее добровольческого сектора и добровольческого действия в социальном государстве социал-демократического типа

Как мы указывали, господствующие в исследованиях добровольческого сектора теории Вайсброда [Weisbrod, 1997], Джеймса [James, 1989] и Саламона [Salamon, 1997] не слишком хорошо объясняют большой размер, специфику форм и содержания добровольческого сектора в Швеции. В статье показано, что исследования «некоммерческого» сектора с упором на объем производимых услуг и количество занятых не работают применительно к Швеции [см., например: Salamon et al., 1999]. Шведский добровольческий сектор гораздо в большей степени, чем в Германии, Великобритании и США, основывается на членских организациях, для которых характерно выполнение непрофессиональной деятельности на добровольной основе и без оплаты [Jeppsson Grassman, Svedberg, 2002].

Мы полагаем, что ни комплексные, построенные на международных сравнениях теории, ни однофакторные теории (например, о гетерогенности) не могут надежно объяснить своеобразие добровольческого сектора в Швеции. Необходимость учета конкретно-исторических факторов при анализе роли добровольческого сектора в различных обществах заставляет обращать особое внимание на национальную специфику.

Поэтому есть основание полагать, что четыре ключевых институциональных аспекта, которые, как было показано в данной статье, особенно хорошо объясняют специфику шведского добровольческого сектора – традиция массового движения, процессы интеграции добровольческого сектора и государства, специфика социального государства социал-демократического типа и конкретных мер его политики – и в будущем станут оказывать сильное влияние на развитие добровольческого сектора.

Можно сделать вывод о том, что в более развитом социальном государстве граждане больше проявляют участие и оказывают доверие (в том числе и участие в добровольческом секторе) [см.: Wuthnow, 1991; Janovski, 1998; Rothstein, 1998; Putnam, 2000]. Это верно и для Швеции, и для других стран. Пример Швеции показывает, что социал-демократический тип социального государства хорошо или очень хорошо взаимодействует с развитым добровольческим сектором, и что теоретически обоснованный [см.: Salamon et al., 1999] тезис о том, что большие расходы правительства на социальную защиту не приводят к росту добровольческого сектора в социальном обслуживании, – верен

с точностью до наоборот. Резкое сокращение шведским правительством расходов на социальную защиту в течение 1990-х годов также не привело к падению активности в добровольческом секторе, а скорее наоборот.

Одним из факторов развития нового направления в оказании услуг является так называемая культура контракта, то есть тенденция, когда государство проявляет все большую заинтересованность в том, чтобы добровольческие организации реализовывали принятые государством политические решения [Selle, 1996; SOU... 2001] и оказывали услуги по установленным расценкам [SOU... 1998]. Для Швеции культура контракта может означать «удавку» для тех добровольческих организаций, которые по духу близки народному массовому движению. В этом случае мы должны ожидать рост неоплачиваемого труда волонтеров и профессионалов в собственно социальной работе и относительное снижение активности по защите групповых интересов посредством членских добровольческих организаций. Иными словами, это может привести к экспансии организаций такого типа, который мы назвали англосаксонским, а также к экспансии организаций типа позднего модерна. Придать деятельности существующих организаций единообразие и исключительно целесообразный характер, однако, будет нелегко. Далеко не очевидно, откроют ли подобные усилия какие-то новые возможности, чтобы управлять активностью членов организаций и других активистов и поддерживать у них желание эту активность проявлять [Jeppsson Grassman, 1997; Meeuwisse, 1999; Habermann, 2001]. Может оказаться, что изменения в социальных и культурных ожиданиях добровольческих организаций наоборот приведут к снижению участия в них народных масс, которое в меньшей степени затронет те организации социального обеспечения, которые мы назвали скандинавскими – непрофессиональные и демократические.

Теперь стало модным объявлять бывшие традиционно многочисленными в Швеции и Скандинавии массовые общественные движения мертвыми и брать этот тезис за отправную точку крайне пессимистических прогнозов о будущем добровольческого сектора [см., например: Petersson et al., 1998; Petersson, 2000]. Среди прочего мы находим резкое снижение количества членов во многих традиционно многочисленных и организованных общественных движениях, однако появляются и новые формы волонтерства. В долгосрочной перспективе различаются общие тенденции к усилению тех сегментов добровольческого сектора, который занимается организацией досуговой деятельности (например, в культуре и спорте), и ослабление некоторых типов ориентированных на идеалы и на защиту узкогрупповых интересов, в частности многих существующих сегодня политических партий. Вероятно, среди шведских граждан уменьшится количество одновременно и пассивных, и «преданных всю жизнь» членов организаций, массовость участия также сократится и будет менее тесно связана с целями организаций и ценностными ориентациями. Вместе с тем есть основание предостеречь от слишком поспешных выводов и чересчур пессимистических прогнозов. Рассмотренные нами изменения в количестве членов и объемах их деятельности указывают, что многие существующие органи-

зации по-прежнему играют важную роль в жизни населения. Добровольческий сектор в целом отличается стабильностью, несмотря на претерпеваемые изменения. В самом деле, в участии волонтеров и разнообразии его организационных форм действительно можно видеть стабильность институтов в такой Скандинавской стране, каковой является Швеция.

Наконец, бурное развитие современного информационного общества в Скандинавских странах обычно связывается со снижением значения добровольческого сектора как посредничающей силы между гражданами и государством. В этом сценарии правозащитная роль добровольческого сектора, представляющего интересы простых и слабозащищенных граждан, сокращается, и одновременно повышается значение организаций, способствующих самореализации индивидов. Селле и Оймюр [Selle, Øymur, 1995], например, пришли к выводу, что скандинавская организационная система *в целом* становится все более ориентированной на своих членов, а потому более не будет склонна к изменениям и утратит то бывшее значение, которое она имела в жизни населения. Поэтому принципиально важно будет проводить различие между волонтерством как ареной отстаивания интересов и ценностей, а также действий на благо других людей, с одной стороны, и ареной самореализации в иной деятельности – с другой. В данной статье показано, что все эти аспекты волонтерского движения можно свести под одну крышу характерного для Скандинавии непрофессионального и демократического типа организаций. Некоторые добровольческие организации, занятые социальной работой, являются показательными примерами этой двойственности, одновременно показывая, что они не изолированы от окружающего мира, что они часто сочетают работу в защиту интересов и ценностей, то есть ориентированы на изменения, с деятельностью «исключительно» в интересах своих членов, хотя и не только их. Этим организациям, как представляется, удастся сочетать некоторые традиции прежних массовых движений с запросами и влияниями нового времени.

Список литературы

- Boli J. Sweden: Is There a Viable Third Sector? // R. Wuthnow (Ed.). *Between States and Markets: The Voluntary Sector in Comparative Perspective*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Curtis J. E., Grabb J. E., Baer D. E. Voluntary Associations Membership in Fifteen Countries: A Comparative Analysis // *American Sociological Review*. 1992. № 57. P. 139–152.
- Curtis J. E., Baer D. E., Grabb J. E. Nations of Joiners: Explaining Voluntary Association Membership in Democratic Societies // *American Sociological Review*. 2001. № 66. P. 783–805.
- DiMaggio P. J., Anheier H. K. A Sociological Conceptualization of Non-profit Organizations and Sectors // *Annual Review of Sociology*. 1990. № 16. P. 137–159.
- Esping-Andersen G. *Social Foundations of Postindustrial Economies*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

- Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: The Polity Press, 1990.
- Gaskin K., Smith J. D.* A New Civic Europe. London: The Volunteer Centre, 1995.
- Habermann U.* En postmoderne helgen – om motiver til frivillighed. Lund: Lund Dissertations in Social Work 3. Socialhögskolan, Lunds universitet, 2001.
- Henriksen L. S.* Lokal frivillig organisering i nye omgivelser. Aalborg: Forlaget ALFUFF, Aalborgs universitet, 1996.
- Holmberg C., Bender C.* Våld mot kvinnor och män i kris. SoS-rapport 1998. № 6. Stockholm: Fritzes förlag, 1998.
- Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princetown: Princetown University Press, 1997.
- James E.* The Private Provision of Public Services: A Comparison of Sweden and Holland // E. James (Ed.). The Nonprofit Sector in International Perspective. New York: Oxford University Press, 1989.
- Jamison A., Eyerman R., Cramer J.* The Making of the New Environmental Consciousness. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990.
- Janovski T.* Citizenship and Civil Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Jeppsson Grassman E.* För andra och för mig. Sköndalsinstitutets skriftserie № 8. Stockholm: Ersta Sköndal högskola, 1997.
- Jeppsson Grassman E.* Frivilliga insatser i Sverige – en befolkningsstudie // SOU (the Swedish Official Government Report Series). 1993. № 82.
- Jeppsson Grassman E., Svedberg L.* Civic Participation in the Welfare State: Patterns in Postmodern Sweden // Boje (Ed.). Civil Society and the Welfare State, (forthcoming). 2002.
- Jeppsson Grassman E., Svedberg L.* Frivillig verksamhet på fältet – en närstudie av sju organisationer // SOU (the Swedish Official Government Report Series). 1993. № 82.
- Jeppsson Grassman E., Svedberg L.* Frivilligt socialt arbete i Sverige // E. Amnå (Ed.). Medmänsklighet att hyra. Stockholm: Libris, 1995.
- Jeppsson Grassman E., Svedberg L.* Medborgarskapets gestaltningar // SOU (the Swedish Official Government Report Series). 1999. № 84.
- Jeppsson Grassman E., Svedberg L.* Voluntary Action in a Scandinavian Social Welfare Context: The Case of Sweden // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1996. Vol. 25. P. 415–427.
- Johansson G.* Det lilla extra. Sköndalsinstitutets skriftserie № 11. Stockholm: Ersta Sköndal högskola, 1998.
- Johansson G.* För mycke jag, för lite Jesus. LP-stiftelsens vård av missbrukare ur ett socialantropologiskt perspektiv. Sköndalsinstitutets skriftserie № 7. Stockholm: Ersta Sköndal högskola, 1997b.
- Johansson G.* Möta hiv, möta sig själv. En studie av arbetet vid Stiftelsen Noaks Ark-Röda korset. Sköndalsinstitutets skriftserie № 5. Stockholm: Ersta Sköndal högskola, 1997a.
- Klausen K. K.* Organisatorisk inert i og mikrodynamiske processer. Copenhagen: Samfundslitteratur, 1990.
- Klausen K. K.* Paragovernmental Organizations. The Extension of the Welfare State, skriftserie, Institut for erhversret og politologi. Odense: Odense Universitet, 1992.
- Kuhnle S., Selle P.* Government and Voluntary Organizations: a Relational Perspective // S. Kuhnle, P. Selle (Eds). Government and Voluntary Organizations. Aldershot: Avebury, 1992a.

- Kuhnle S., Selle P.* Governmental understanding of voluntary organizations // S. Kuhnle, P. Selle (Eds). *Government and Voluntary Organizations*. Aldershot: Avebury, 1992b.
- Lewin L.* Samhället och de organiserade intressena. Stockholm: Norstedts, 1992.
- Lorentzen H.* En framtid för frivilligheten // *Nordiskt socialt arbete*. 1992. Vol. 12. № 2. P. 19–32.
- Lorentzen H.* Frivillighetens integrasjon – staten og de frivillige velferdsprodusentene. Oslo: Institutt for Samfunnsforskning, 1993.
- Lorentzen H., Andersen R., Brecke J.-P.* Ansvar for andre. Oslo: Universitetsforlaget, 1995.
- Lundström T.* Barnavårdsorganisationer vid två sekelskiftet. Frivilligt barnavårdsarbete förr och nu, Sköndalsinstitutets skriftserie № 10. Stockholm: Ersta Sköndal högskola, 1997.
- Lundström T.* Child Protection, Voluntary Organizations and the Public Sector in Sweden // *Voluntas*. 2001. № 12. P. 355–371.
- Lundström T.* Frivilligt socialt arbete under omprövning // *Socialvetenskaplig tidskrift*. 1995. № 2. P. 39–59.
- Lundström T.* The State and Voluntary Social Work in Sweden // *Voluntas*. 1996. № 2. P. 123–146.
- Lundström T., Vinnerljung B.* Omhändertagande av barn under 1990-talet // SOU (the Swedish Official Government Report Series). 2001. № 52.
- Lundström T., Wijkström F.* Från röst till service? Den svenska ideella sektorn i förändring. Sköndalsinstitutets skriftserie № 4. Ersta Stockholm: Sköndal högskola, 1995.
- Lundström T., Wijkström F.* The Nonprofit Sector in Sweden. Manchester: Manchester University Press, 1997.
- Meeuwisse A.* Debatten om välfärdssamhället och det civila samhället, Sköndalsinstitutets arbetsrapportserie № 11. Stockholm: Ersta Sköndal högskola, 1999.
- Nordfeldt M.* Frivilliga organisationers insatser för hemlösa, Sköndalsinstitutets skriftserie № 3. Stockholm: Ersta Sköndal högskola, 1994.
- Nordfeldt M.* Hemlöshet i välfärdsstaden. Dissertation, Geografiska regionstudier № 39. Kulturgeografiska institutionen. Uppsala: Uppsala Universitet, 1999.
- O'Connell B.* Civil Society. The Underpinning of American Democracy. Hanover NH: University Press of New England, 1999.
- Palme J., Bergmark Å., Fritzell J., Lundberg O., Näsman E., Sommestad L., Szebehely M.* Välfärd vid vägskalet. Utvecklingen under 1990-talet. Delbetänkande Kommittén Välfärdsbokslut. SOU (the Swedish Official Government Report Series). 2000. № 3.
- Palme J., Bergmark Å., Fritzell J., Lundberg O., Sommestad L., Szebehely M.* Välfärdsbokslut för 1990-talet. Slutbetänkande Kommittén Välfärdsbokslut. SOU (the Swedish Official Government Report Series). 2001. № 79.
- Petersson O.* Det finns anledning till oro. Svenska Dagbladet. 19.01.2000.
- Petersson O., Hermansson J., Micheletti M., Teorell J., Westholm A.* Demokrati och medborgarskap. Stockholm: SNS förlag, 1998.
- Powell W. W.* Expanding the Scope of Institutional Analysis // W. W. Powell, P. J. DiMaggio (Eds). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
- Powell W. W., DiMaggio P. J.* The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
- Putnam R. D.* Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York: Simon and Schuster, 2000.

Rothstein B. Den korporativa staten. Stockholm: Norstedts Juridik, 1992.

Rothstein B. Förtroende för andra och förtroende för politiska institutioner // Holmberg, Weibull (Eds). Ljusnande framtid? Göteborg: SOM-institutet; Göteborg University, 1998.

Rothstein B. Social Capital in the Social Democratic State: The Swedish Model and Civil Society // R. D. Putnam (Ed.). Democracy in Flux? The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Rothstein B., Bergström J. Korporatismens fall och den svenska modellens kris. Stockholm: SNS förlag, 1999.

Salamon L. M. The United States // L. M. Salamon, H. K. Anheier (Eds). Defining the Nonprofit Sector. Manchester: Manchester University Press, 1997.

Salamon L. M., Anheier H. K. Social Origins of the Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-Nationally. Working paper 22. Baltimore: The Johns Hopkins University, 1996a.

Salamon L., Anheier H. K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-Nationally // *Voluntas*. 1998. № 9. P. 213–248.

Salamon L., Anheier H. K. The Emerging Nonprofit Sector: An Overview. Manchester: Manchester University Press, 1996b.

Salamon L., Anheier H. K., List R., Toepler S., Sokolowski S. W. Global Civil Society, Dimensions of the Nonprofit Sector. Baltimore: The Johns Hopkins Comparative Center for Civil Society Studies, 1999.

Selle P. Frivillige organisasjoner i nye omgjevnader, Alma Mater. Bergen, 1996.

Selle P. Voluntary Organisations and the Welfare State: The Case of Norway // *Voluntas*. 1993. Vol. 1. P. 1–15.

Selle P., Øymyr B. Frivillig organisering og demokrati. Det frivillige organisasjonssamfunnet endrer seg 1940–1990. Oslo: Samlaget, 1995.

SOU Civilsamhället, Demokratiutredningens forskarvolym 8 (the Swedish Official Government Report Series). 1999. № 84.

SOU Frivilligheten och samhällsberedskapen, Betänkande av frivilligorganisationsutredningen (the Swedish Official Government Report Series). 2001. № 15.

SOU Frivilligt socialt arbete. Kartläggning och kunskapsöversikt. Rapport av Socialtjänstkommittén (the Swedish Official Government Report Series). 1993. № 82.

SOU Vad får vi för pengarna? (the Swedish Official Government Report Series). 1998. № 38.

Stål R. De mest utsatta. Om människors svårigheter och om sociala insatser. Sköndalsinstitutets skriftserie № 6. Stockholm: Sköndalsinstitutet, 1997.

Statistics Sweden Föreningslivet i Sverige – en statistisk belysning. 1994.

Stephens J. The Scandinavian Welfare States: Achievements, Crisis and Prospects // G. Esping-Andersen (Ed.). Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economics. London: Sage, 1996.

Svedberg L. A Scandinavian Voluntary Tradition in Transformation – the Case of Sweden // E. Amnå, T. Lundström, L. Svedberg. Three Essays on Volunteerism and Voluntary Organisations. Sköndal Institute Working Papers № 9. Stockholm: Ersta Sköndal högskola, 2000.

Svedberg L. Frivilligheten som ideologiskt slagträ och faktisk verksamhet // Ojämlighet från vaggan till graven, på väg in i 2/3-samhället. Stockholm: FKF Fakta, 1996.

Svedberg L. Socialt inriktade frivilligorganisationer – några grundläggande karaktäristika // *SOU* (the Swedish Official Government Report Series). 1993. № 82.

Svedberg L. Spelar ideella och informella insatser någon roll för svensk välfärd? // SOU (the Swedish Official Government Report Series). 2001. № 52.

Svedberg L., Jeppsson Grassman E. Frivilliga insatser i svensk välfärd – med utblickar mot de nordiska grannländerna // Henriksen, Ibsen (Eds). Frivillighedens utfordringer. Odense: Odense universitetsforlag, 2001.

Thörn H. Modernitet, sociologi och sociala rörelser. Dissertation, Skriftserie № 62. Göteborg: Sociologiska institutionen; Göteborgs universitet, 1997.

Trägårdh L. (Ed.). Civilt samhälle kontra offentlig sektor. Stockholm: SNS förlag, 1996.

Trydegård G.-B. Välfärdstjänster till salu – privatisering och alternativa driftsformer under 1990-talet // SOU (the Swedish Official Government Report Series). 2001. № 52.

Weisbrod B. The Future of the Nonprofit Sector: Its Entwinning with Private Enterprise and Government // Journal of Policy Analysis and Government. 1997. № 16. P. 541–555.

Wijkström F. Different Faces of Civil Society. Dissertation. Stockholm: Stockholm School of Economics, 1998.

Wijkström F. Grilla ensam // Moderna tider. 2000. Vol. 11. № 120. P. 27–30.

Wijkström F. Svenskt organisationsliv: framväxten av en ideell sektor. Stockholm: Stockholm School of Economics, 1999.

Wuthnow R. Acts of Compassion. Caring for Others and Helping Ourselves. Princeton: Princeton University Press, 1991.

Томми Лундстрём
профессор факультета социальной работы,
Стокгольмский университет

электронная почта: tommy@socarb.su.se

Ларс Сведберг
профессор отдела исследований Института Щёндаль,
Университетский колледж Эрста Щёндаль, Швеция

электронная почта: lars.svedberg@sssd.se

(Пер. с англ. О.А. Оберемко)
